

На правах рукописи

Гладкова Ирина Борисовна

**Топос Сибири в русской очерковой прозе 1960 - 1980-х годов
(Л.Н. Мартынов, В.Г. Распутин, П.Н. Ребрин, И.Ф. Петров):
семантика, генезис, эволюция**

10.01.01 - русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Омск – 2004

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной литературы
Омского государственного педагогического университета

Научные руководители:

кандидат филологических наук,
профессор Шик Эдмунд Генрихович

доктор филологических наук,
профессор Акелькина Елена Алексеевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Новикова Елена Георгиевна

кандидат филологических наук,
доцент Ветелина Лариса Германовна

Ведущая организация: Северо-Западный государственный институт печати

Защита состоится 8 июня 2004 года в 10~ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.179.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Омском государственном университете (644077, г. Омск, пр. Мира, 55-а)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Омского государственного университета.

Автореферат разослан 7 мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Кривоzubова Г.А.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования.

На протяжении всех этапов развития русской литературы неизменным остается авторский интерес к проблеме взаимоотношения человека с окружающим его пространством, шире со всем миром. Художественное пространство представляет собой, по определению Ю.М. Лотмана, «авторскую модель мира, выраженную на языке пространственных представлений».

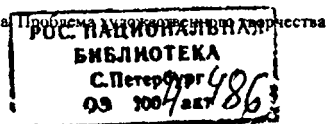
В работе рассматривается процесс формирования пространственного мышления в очерковой прозе Сибири XX столетия. В этой связи нами выявлены основные тенденции эволюции очеркового жанра, направленные на раскрытие поэтики пространственных образов. В частности отмечено, что описательная традиция очерковой литературы усиливает ее тяготение к хроникальной организации повествования, где существенная роль отводится перемещению субъекта в пространстве. Очерк, благодаря своей оперативности, осознает и фиксирует происходящие процессы «по ходу», осваивая новые тенденции времени. Сама природа очеркового целого позволяет увидеть связь внешней и внутренней сторон в их единстве, создает условия к панорамному видению. Очерковость, как важнейшее начало в культуре XX века, активно проникает во многие прозаические жанры литературы, внося в них элементы документальности и публицистичности. Очерковая проза, в особенности в условиях переходного времени, является, с нашей точки зрения, наиболее плодотворной в плане жанрового эксперимента, мобильной и активно развивающейся формой отечественной литературы, адекватной задачам времени.

Очерковая проза, созданная писателями Сибири в 1960-1980-е годы, успешно синтезировала летописно-хроникальные, философские, публицистические начала на художественной основе. Очерковая доминанта важна для культуры «молодой» литературы края, так как обеспечивает ее универсальность, многоаспектность, масштабность, философскую глубину художественного постижения сущности и законов развития сибирского пространства. Наш интерес к проблеме исследования ТОПОСА СИБИРИ обусловлен необходимостью всесторонне осмыслить и систематизировать созданную очерковой прозой 1960-1980-х годов пространственную модель сибирского края. В данной прозе наиболее ярко проявляется стремление региональных авторов «вписаться» в широту сибирских просторов.

Топосы - это литературные константы, направленные на «художественное освоение внутреннего мира человека в его многоплановых связях с окружающей реальностью». С этой точки зрения, ТОПОС СИБИРИ - глубоко специфическая, смыслообразующая, организующая, глобальная, универсальная категория. Для писателей Сибири он имеет патриотическую направленность, раскрывая внутреннюю укорененность человека в родном ему пространстве. Актуализация топоса Сибири в очерковой прозе направлена на раскрытие общенациональных, философско-онтологических проблем.

В исследовании сибирского топоса мы опираемся на онтологическую трактовку художественного пространства, реализованную в трудах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, *Б.Л. Успенского*, П.Х. Торопа, И.В. Роднянской. Структурно-семиотический подход к изучению художественного пространства Сибири осуществляется нами на основе отдельных выводов и положений работ Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, в которых отмечена направленность художественного образа на

¹ Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т. Т.1 Семиотика пространства. Проблемы культуры и искусства в прозе Н.В. Гоголя - С.414

воссоздание пространственно-временной картины мира в ее символично-идеологическом аспекте. Несмотря на то, что в трудах названных исследователей нет прямого обращения к проблеме изучения топоса Сибири, ценным для нашей работы является преимущественный интерес ученых к словесно-бытовому и символическому уровням произведений, активизирующих хронотоп и обеспечивающих целостное его восприятие. Ими выявлены ценностно-смысловые ориентиры человечески обжитого мира, сопрягающиеся с мировоззренческими и нравственными категориями. Данные категории соотносятся с наиболее распространенными и характерными для отечественной культуры бинарными оппозициями: периферия - центр, верх - низ, тьма - свет, замкнутость - открытость, далекое - близкое,¹ пустое - наполненное, тесное - просторное, чужое - своё и т.д. Эволюция художественного воплощения топоса Сибири в очерковой прозе писателей-сибиряков осознается в работе как результат преемственности ими традиций, заложенных русской классической литературой XVIII-XIX вв., в том числе созданной Радищевым, Гончаровым, Достоевским, Чеховым, и как саморазвивающаяся модель, детерминированная мировоззренческими позициями сибирских авторов.

Пространство сибирского края, его географический ландшафт и историческая судьба позволяют говорить о нем как об особом смысловом топосе. Однако подходы к его всестороннему и целостному исследованию еще не сложились. В данной работе мы исходим из того, что феномен ускоренного развития Сибири в XX веке наиболее точно раскрывается через топику, сочетающую традиционализм и новаторство, наработанное и новое. Необходимо учитывать то обстоятельство, что новаторство в культуре Сибири имеет несколько иную природу. Результатом преломления очерковых традиций на топику родного авторам края становится устойчивое осознание внутреннего единства природного и человеческого начал, являющееся одной из основополагающих ценностей мира. Итак, топос Сибири включает в себя взаимосвязь пространственно-изобразительного (модель сибирского пространства с характеризующими его оппозициями) и концептуального планов.

Для прозы второй половины двадцатого века (в том числе сибирской) характерно смещение центра видения художника с внешнего на внутреннее. Важной вехой становится обращение к памяти автора, персонажей как внутреннему пространству, необходимому для развертывания событий. Психология припоминания мотивирует в очерковой прозе прерывистый ход времени. Позиция повествователя в очерковых книгах Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова, с нашей точки зрения, отличается универсализмом, космичностью, философской масштабностью и деятельной созерцательностью: на «экран припоминания» проецируется хронотоп целой человеческой жизни. Содержание индивидуальной памяти в ряде случаев оказывается не менее значимо, чем коллективное сознание. Художественный топос направляется не столько на наглядное воспроизведение реальности, сколько на «соединение индивидуальных идей и эмоций в едином целом, представленном в пространстве в определенный момент времени».¹ В ряде случаев события прошлого и настоящего предстают в пространстве как вневременное единство. В результате сюжеты объективной истории трансформируются в мифическое представление, воплощающее вечные первообразы мира. Формирование в очерковой прозе Сибири вневременной мифопоэтики становится опреде-

¹ Фрэнк Д. Пространственная форма в современной литературе // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракаты, статьи, эссе -М, «Изд-во МГУ», 1987 -С 198*

ляющим фактором для ее создателей, так как «мир нового мифа» формирует общеэстетическое содержание и способствует его воплощению в пространственной форме.

Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена следующими факторами:

1) До сих пор остается неизученной судьба очеркового жанра в Сибири, его поэтика и творчество отдельных писателей-очеркистов, в то время как в Сибири очерку отдавал предпочтение практически каждый серьезный писатель на протяжении почти трех столетий. Нами обнаружены лишь отдельные отрывочные заметки и наблюдения на эту тему (исключение составляет книга Л.П. Якимовой и Б.М. Юдалевича «Сибирский очерк 20-70-х годов»). Данная работа является, в сущности, первой попыткой собирания, частичной систематизации и анализа ряда черт поэтики сибирского очерка, хотя эта задача не является главной.

2) Культурная специфика конца XX века вызвала к жизни пристальный интерес к смешанным, гибридным, «маргинальным», синтетическим, внеродовым и межжанровым формам, какой является очерковая проза, особенно актуальная для литературы Сибири, где всегда было место оправданному новаторству и творческому эксперименту.

3) Попытка проследить организующие и смыслообразующие функции ТОПОСА СИБИРИ для судьбы очерковой прозы 1960-1980-х годов, осуществленная в работе, важна не только для истории литературы и регионоведения, но и для выработки новой методологии в отношении к малоизученным и только формирующимся литературно-культурным феноменам.

Концептуально диссертация ориентирована на методологию, основанную на комплексном подходе к исследуемой проблеме в опоре на историко-культурные условия развития Сибири. Объектом исследования служит очерковая проза, созданная писателями-сибиряками в 1960-1980-е годы XX века. **Предмет** исследования - топос Сибири в данной очерковой прозе.

Основными источниками для написания работы послужила очерковая проза известных писателей Сибири XX века, созданная в 60-80-х годы, а именно: произведения Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, П.Н. Ребрин, И.Ф. Петрова. Теоретическую базу диссертационного исследования составляют работы ученых, сконцентрированных на проблеме освоения историко-культурного пространства Сибири, в том числе труды Е.И. Беленького, Э.Г. Шика Е.А. Акелькиной, С.Н. Поварцова, М.Е. Бударина, В.Г. Рыженко, М.В. Яковлевой и др. ученых. В работе использованы материалы из личного архива П.Н. Ребрин, впервые включенные в научный оборот. Стоит заметить, что до настоящего дня нет монографического исследования творческого пути этого крупного писателя (как, впрочем, и творчества беллетриста - краеведа И.Ф. Петрова). Таким образом, данная диссертация является первым опытом системного изучения очерковых произведений писателей-очеркистов в широком литературном и культурном контексте.

Цель и задачи исследования.

Целью данной работы является исследование путей развития сибирской очерковой прозы через определение художественных функций ТОПОСА СИБИРИ как важной составляющей образной структуры жанра.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проследить жанровый генезис очерковой прозы Сибири от летописных, сказовых, **ЖИТИЙНЫХ**, историко-хроникальных традиций до современных жанровых образований, в том числе очерковых повестей, рассказов, эссе, циклических

форм смешанной природы.

2. Выявить универсализирующие онтологические жанрообразующие тенденции очерковой прозы, направленные на наиболее плодотворное освоение топоса Сибири.

3. Определить специфику, роль сибирского топоса, выявить взаимосвязь внешних и внутренних факторов, способствующих целостному, философско-художественному воплощению семантики пространства в очерковой прозе Сибири.

Методологическая основа исследования. В работе использованы жанровый, а в ряде случаев целостный метод анализа особо значимых для темы исследования произведений с элементами сравнительно-исторического и историко-культурного подходов. Методологическую основу составляют работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Г.Д. Гачева, направленные на исследование поэтики и семиотики пространства.

Теоретическая значимость и научная новизна.

1. Выработаны новые подходы к семантическому и семиотическому типам анализа поэтики смысло- и формообразующего ТОПОСА СИБИРИ, установлены принципы ее эволюции в связи с генезисом жанра очерковой прозы и авторских типов восприятия сибирского пространства.

2. Впервые осуществлено целенаправленное изучение очеркового наследия писателей-сибиряков периода 1960-1980-х годов, обращенного к проблеме формирования синтетической природы очерковой прозы как культурного явления, увиденного через ТОПОС СИБИРИ.

3. Введены в научный оборот новые архивные материалы и произведения сибирских очеркистов разного типа, в особенности очеркового наследия двух совершенно неизученных писателей: П.Н. Ребрина и И.Ф. Петрова.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ведущие философско-онтологические тенденции очерковой прозы, созданной писателями - сибиряками в XX веке, проявляются благодаря авторскому взгляду на ТОПОС СИБИРИ как на многосмысловую универсальную категорию, обуславливающую предельно активное отношение к своему пространству, внутреннюю укорененность в нем. Устойчивое ощущение внутреннего единства природного и человеческого начал в очерковой прозе Сибири является одной из ее основополагающих ценностей. С точки зрения писателей-сибиряков, само пространство края, его географический ландшафт и историческая судьба позволяют говорить о нем как об особом смысловом топосе, способном инициировать созидательные качества в людях, формировать ответственное отношение к своей земле, краю, ко всему миру.

2. Очерковая проза Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, И.Ф. Петрова представляет собой эксплицированную семантическую проекцию развития пространства провинциального города. Ее следует рассматривать в аспекте историко-культурных и природно-ландшафтных особенностей конкретного локуса, которые, семиотизируясь, становятся знаковыми. Авторами раскрыт способ познания судьбы родного им сибирского города через осознание его уникальной судьбы, а также отражена способность «духа» города формировать духовную сферу постигающего его человека.

3. В очерковой прозе В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова раскрываются наиболее значимые черты характера сибиряков. Сибирский характер рассматривается ими как уникальный социокультурный феномен. Стремление понять

природную и духовную составляющие ТОПОСА СИБИРИ позволяет авторам осуществлять их синтез и исследовать проблему влияния «духа» места на поступательную активность сибиряков.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке курса «Культура и литература Западной Сибири» для студентов, обучающихся по специальности «Регионоведение», а также для чтения курсов по истории отечественной литературы XX века, культурологии, спецкурсов по творчеству исследуемых авторов и по литературному краеведению в целом.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в тезисах и статьях, опубликованных в семи сборниках научных конференций (г. Омск). Материалы работы положены в основу учебных программ курсов «Культура и литература Западной Сибири» и «Публицистика и журналистика Западной Сибири», предназначенных для студентов, обучающихся по специальности «Регионоведение».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей 560 источников.

Основное содержание работы

Во Введении дано обоснование выбора темы исследования, раскрывается ее актуальность, научная новизна, определяются цели и задачи, методология, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту. В частности сообщается, что в силу происхождения и своей гетерогенной структуры, художественный очерк в XX веке все более тяготеет к синкретичности, жанровой диффузии, трансформируя свою традиционную структуру и обеспечивая с помощью плодотворной эклектики рождение новых форм, в которых художественное целое, включающее эпическое, летописное, философское, лирическое, публицистическое начала, доминирует над частным.

Очерк в XX веке утрачивает свою жанровую определенность и растворяется в актуализации очерковости как тенденции культуры. В отечественной литературе возникает и активно формируется художественный феномен - синтетическая очерковая проза, для которой характерны универсальность; тяготение к общенациональным, «вечным» вопросам бытия в сочетании с интересом к литературным тенденциям современности и масштабностью художественного обобщения; эпичность; плотность письма в соединении с философичностью и прикреплённостью к конкретному реальному топосу, обладающему жанрообразующим и аксиологическим значением. Процессы «размывания» жанровых границ в искусстве XX века приводят к объединению высокого и низкого, элитарного и массового, что провоцирует пересмотр ряда эстетических традиций прошлого. Если воспользоваться определением М.М. Бахтина, то литература в XX веке находится в зоне контакта с «незавершенной современностью», поэтому аналогом городского эпоса, например, становятся очерки о «молодых» культурных пространствах (краях, городах, культурно значимых малых топосах).

Первая глава «Генезис, становление и эволюция топоса Сибири в русской очерковой прозе» посвящена анализу летописных традиций в очерковых произведениях о Сибири, созданных русскими писателями-классиками XVIII - XIX веков. В ней исследуются процессы становления топоса Сибири в литературе, начиная с древнерусских летописей и заканчивая очерковыми циклами писателей-классиков второй половины XIX века. Для выяснения того, какое содержание во-

плошает в себе современная очерковая проза, необходимо «поместить исследовательский объектив у ее корня, там, где она прорастает из почвы жизни». (Гачев Г.Д.) Это позволяет начать исследование эволюции жанра с выявления жизненных и культурных процессов, которые были обусловлены временем и получили в очерковой прозе свое художественное воплощение.

В первом параграфе *«Генезис очеркового жанра. Многослойность и органичность топоса Сибири как исторически-сложившийся феномен»* дан анализ становления и эволюции очерковой прозы в опоре на традиции древнерусских летописей, хождений, исторических хроник и житий. Первыми землепроходцами, открывавшими для России Сибирь, овладевала жажда освоения новых территорий, что зафиксировано в летописях и исторических хрониках XVII-XVIII веков. Климатические условия края испытывали путешественников, землепроходцев на физическую стойкость и духовную состоятельность. Природные силы вступали в противоборство с интенциями человеческой воли. Пространство края требовало от людей экстраординарного типа поведения, выраженного в повышенной активности, деловитости. Все эти качества способствовали формированию топоса Сибири.

Украина России, ассоциируемая у многих с краем света, вызывала в коренных жителях подсознательную устремленность к природной нравственности. Пространство Сибири своим «духом» вырабатывало в человеческом сознании жизненные ценности, необходимое созидательное начало, что нашло отражение в очерковой литературе XIX-XX веков, созданной писателями-классиками на летописной основе. Если эпическое сознание летописца отражало изначальное единство человека и мира, то в очерковой литературе XVIII-XIX веков взаимодействие личности с миром реализовывалось в форме авторских размышлений, своеобразных «диалогов» писателей с окружающим пространством, направленных на осмысление онтологической сущности последнего.

Второй параграф *«Развитие летописных и эпических традиций, направленных на осмысление сибирского топоса, в очерковой прозе А.Н. Радищева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова»* посвящен проблеме онтологического осмысления сибирского пространства названными писателями. Большая часть из созданных ими книг о Сибири повествует о путешествиях в этот далекий край. В характеристике сибирского топоса ими намечен ряд пространственных оппозиций, к которым каждый из авторов дает свой комментарий, направленный на раскрытие их ценностного смысла.

Первоначально Сибирь воспринимается писателями как «чужое», дикое, пустынное пространство, противопоставленное привычному для них «своему», российскому. Топос края раскрывается ими преимущественно в негативном ключе. Сибирь представлена как отдаленное место ссылки, острожный край, пространство внешней несвободы. В процессе более детального знакомства отчужденность между окружающим миром и авторским «я» постепенно снижается, создаются условия к их сближению. От главы к главе эта тенденция становится все заметней. «Большой» общерусский хронотоп сочетается с «малым» региональным хронотопом. В авторском дискурсе раскрывается процесс духовного становления целостности мира через приобщение к «вечному настоящему», вбирающему в себя связь времен, что созвучно мотивам «христианского путешествия». Процессы духовного возмужания писателей обусловлены глубоко философским мирозерцанием. Это приводит их к осознанию того, что Сибирь – богатая земля, обладающая внутренним духовным потенциалом. Житель здешних мест – «благородный разбойник», своего рода герой массы, в котором заключена внутренняя энергия прес-

одоления. Этико-философское содержание жизни сибиряков измеряется масштабами формирующего их внутренний мир пространства. Важно лишь преобразовательная внутренняя энергия в плодотворную созидательную волю.

Локальная жанровая традиция очеркового путешествия, заданная А.Н. Радищевым, А.С. Пушкиным, И.М. Карамзиным, И.А. Гончаровым, способствовала раскрытию связи собственно миссионерской деятельности с проблематикой христианства и сакрального слова. Представление Гончарова о миссионерстве организовано, вслед за пушкинским «Путешествием в Арзрум», самим принципом «путешествия», открывающим возможность писателям воздействовать на неприсвоенный социум непосредственно «живым словом». Радищев, Гончаров, Лесков интуитивно ощущали мощный софийный потенциал края. Картина преображения Сибири Логосом представлена Гончаровым в главах очерковой книги «Фрегат «Паллада» с особым эпическим пафосом. Принцип воздействия на местных жителей евангельским словом становится для писателя основополагающим. Организованный таким образом авторский дискурс определяет структуру глав книги.

Особый взгляд на топос Сибири представлен в очерковой прозе Ф.М. Достоевского. Человеческие поступки расцениваются им в единстве с пространственно-временной ситуацией, одновременно раскрывают тип человеческого существования вообще. Персонажи очерковых книг писателя, а вместе с ними и сам автор, проходят серьезный духовный путь внутренней эволюции, самосовершенствования. Очерковая проза Ф.М. Достоевского подводит своеобразный итог проблеме развития народного характера в докрепостнической Сибири. В очерковой повести «Записки из Мертвого дома» глубина и панорамность авторского видения достигается тем, что в типах обитателей «Мертвого дома» писателем явлена судьба всей России, в их поступках и помыслах высвечены негативные и позитивные потенции народного характера. Достоевский, оказавшись в Сибири на каторге, открывает в себе и в людях внутреннее пространство духа, которое поможет все изменить, в том числе себя. В этом чудо-преображении живой человеческой души заключено, по мысли писателя, созидательное начало жизни.

Автору интересен человек, добровольно переселившийся в Сибирь из Европейской части России. Это тип людей, склонных к подвижничеству (социальному, эмоциональному, духовному), мобильных, энергичных, а значит способных к саморазвитию. Важно лишь направить их энергию в правильное русло. В этой связи М.М. Бахтин писал: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, нечто внутренне незавершенное...»¹ Достоевскому, по мысли В.В. Кожина, необходимо было всецело погрузиться в «текущую жизнь» самосознания, открывая в ней величайшие драмы, «неведомый, потрясающий смысл».

А.П. Чехов в очерковых циклах «Из Сибири», «Остров Сахалин» сумел объединить разрозненные факты, события, собственные душевные переживания, впечатления от увиденного глубиной раздумий о сути и высшем предназначении человечества. Цель писателя - «понять себя, судьбу этого края, обрести истину путем духовного созидания цельного «я» на основе придания личному уникальному опыту измерения универсальности, всеобщности изнутри, из глубин личности».² Заслуга Чехова в создании нового способа универсальности как результата выбора необходимого угла зрения, соответствующего авторскому самоопределению.

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1963. - С. 65

² Акелькина Е.А. В поисках цельности духа, Бога и вечности. - Омск, ОмГУ, 1998. - С. 201

В очерковой прозе А.Н. Радищева, Н.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова о Сибири, важными становятся не только широта охвата и разнообразие явлений действительности, но и собственно авторские переживания и мысли, приобретающие на рубеже веков характер философского обобщения. В их письмах, дорожных дневниках, записках, заметках, очерках начинает закладываться фундамент для выстраивания внутрисибирского типа пространственно-временных отношений. По мнению Е.Г. Новиковой, переселенческое движение представителей отечественной дворянской интеллигенции на восток сопоставимо с социально-экономическим и культурным паломничеством, направленным на формирование в здешних местах «оседлого образованного класса». Постепенно, к началу XX века, форма фиксирования писателями своих раздумий приобретает характер литературного приема, послужившего основой для дальнейшего развития сибирской очерковой прозы на основе летописных традиций, что повлияло на ее проблематику и заложило фундамент для осмысления «местными» писателями своеобразия топоса края.

Вторая глава «Осмысление топоса Сибири в очерковой прозе XX века как историко-литературная проблема» направлена на исследование очерковой прозы, созданной писателями-сибиряками Б. Алтайским, М. Орфановым, Г. Вяткиным. В этой главе раскрывается авторский взгляд на сибирский топос как на родное, а потому духовно близкое пространство, рассматриваются вопросы зарождения и развития очеркового жанра в крае. В Сибири, территориально расположенной вблизи границы Европы и Азии, культурные тенденции, привнесенные из европейской части России, «накладывались» на местные традиции, переплетались с ними. Типологически сходные черты обеих культур органично сливались. Нередко соединялись и взаимоисключающие крайности (натурализм и неоромантизм, декадентство и просветительский дидактизм). В результате напряженных «брожений» и не до конца проявившихся эстетических и философских устремлений возникали особые эклектичные стилистические черты. В **параграфе «Роль летописной и эпической традиций в развитии очерковой прозы Сибири первой половины XX века. Региональные особенности произведений писателей - сибиряков»** отмечается, что создаваемая в Сибири очерковая проза изначально была направлена на освоение закономерностей и тенденций общерусского литературного процесса. Эти тенденции раскрываются региональными авторами в локальном варианте и направляются на поиск связей прошлого и современности в истории края. Писатели-сибиряки, чье творчество пришлось на начало XX века, находились у истоков становления региональной литературы, при этом использовали традиционные жанрово-повествовательские формы. Экспериментаторство осуществлялось ими изнутри, на уровне авторского слова, личного свидетельства, поиска новых образных сцеплений.

Внимание к очерковой прозе, созданной Б. Алтайским, М. Орфановым, Г. Вяткиным, обусловлено задачей выявления особенностей восприятия ими топоса Сибири. Непосредственная связь созданных ими очерковых форм с исторической почвой сравнительно «молодого» края обусловлена стремлением к сохранению его естественно-природного и культурного потенциала. Процесс развития капитализма в России в конце XIX - начале XX века сопровождался усилением влияния на социальное пространство Сибири собственно русских традиций. Пространственная отдаленность Сибири от столицы, от мира официальной культуры направляла усилия «местных» писателей к поиску «нового центра», с тем чтобы на его основе осмыслить культуру всей России как единое целое. Извечная тоска по

идеалу выразилась в представлениях о Сибири как о пространстве, способном воплотить этот идеал, необходимо лишь распознать, оценить и раскрыть потенциальные, скрытые до времени резервы края. Такое видение заключает в себе художественно-творческие начала, исследующие влияние пространства Сибири на личностные качества сибиряков.

Двадцатый век считают временем наиболее интенсивного демографического, хозяйственного и культурного освоения Сибири. В начале века переселенческое движение на восток страны принимает широкий размах в связи с установлением регулярного движения по транссибирской железнодорожной магистрали, строительство которой открыло возможности для скорейшего вступления коренного населения края в социально-экономические, политические, культурные контакты с официальной российской действительностью и идеологией. В этой связи открывается способность пространства края сглаживать острые социальные противоречия, устанавливая близкие контакты между различными слоями населения, что создает условия для внутренней причастности сибиряков к своему топосу и ко всему миру.

Во втором параграфе *«Социокультурная ситуация, сложившаяся в стране в период 1960-80-х годов, и ее влияние на поэтику и проблематику очерковой прозы в Сибири»* наибольшее внимание уделяется очерковой прозе, созданной во второй половине XX века, начиная с шестидесятых годов. Объясняется это тем, что на 60-е годы приходится период подъема социально-экономических и культурных процессов в стране. В общественной жизни усиливаются инициативы, направленные на сохранение и пропаганду национальных ценностей, в том числе историко-культурного наследия отдаленных от центра регионов. Очерковой литературе в этом процессе отводилась едва ли не главенствующая роль. На период 60-80-х годов XX века приходится настоящий расцвет очерковой прозы, что связано с творческой деятельностью В. Овечкина, В. Тендрякова, Ф. Абрамова, Е. Дороша, Б. Можяева, В. Солоухина, В. Катаева, Г. Троепольского, С. Залыгина и других.

Очерковая проза 1960-80-х гг. многое определила в судьбе страны, оперативно фиксируя социально-культурные перемены, вызванные первым этапом демократизации общества. Эпоха шестидесятых характеризовалась всплеском поэтического творчества. Риторическая доминанта поэзии шестидесятников передала данный импульс прозе. На этой основе создается особый тип очерковой прозы, характеризующийся новизной тематики, разнообразием способов исследования актуальных проблем, глубиной авторских мыслей. В литературе Сибири очерковый жанр становится универсальным способом выработки и передачи авторами своего неповторимого взгляда в отношении к окружающему их пространству. Эkleктика очерковых форм детерминирует свободу трансформаций в литературоведческом дискурсе традиций прошлого, достижений настоящего и тенденций будущего.

Очерковость как культурное начало в отечественной литературе активно входит в новеллу, повесть, роман, служит своеобразной «подпиткой» для их дальнейшего развития. Очерковая проза Сибири преодолевает границы локальности и социологизированности, выводя читателя к проблеме взаимосвязи природного и духовного начал в человеке, тем самым, открывая в людях все богатство их личностного самоопределения. Наибольший вклад в поэтику очерковой прозы Сибири внесли, на наш взгляд, Л.Н. Мартынов, В.Г. Распутин, П.Н. Ребрин, И.Ф. Петров, чье творчество направлено на выявление целостного опыта конкретной человеческой личности и всеобщей родовой судьбы. И хотя некоторых из них в литературоведении относят к числу писателей «второго» ряда, это несколько не умаляет

достоинств созданных ими произведений.

Третья глава «Топос сибирского города в очерковой литературе XX века» направлена на раскрытие семиотики и поэтики городского пространства в очерковых книгах и циклах. Первоначально очерк как литературный жанр был призван «очертить», «обвести контуром» посредством слова пространственную среду. Город, воспринимаемый через творческую личность, созвучен мифологеме «гений места». На это обратили внимание в начале XX века И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. Они выработали систему методов «погружения» в «дух места». Результатом воздействия школы семиотического градоведения на очерковую (в том числе сибирскую) прозу стал факт осознанного или интуитивного переключения всего хода повествования от внешнего очертания («тела города») к его «душе», смыслу и символу. В этой связи топос города следует рассматривать как самоорганизующуюся социальную систему, проявляющуюся в способах выстраивания пространственно-временных связей и объединения различных социальных слоев в устойчивую целостность.

В очерковой прозе Сибири, как и во всей отечественной литературе начала XX века, с учетом нетрадиционных взглядов на городское пространство, формируется особый путь раскрытия топоса города на моменте рубежа, «на границе прошлого с грядущим» (Л.Н. Мартынов). Истоком для этого становится особое «чувство города». В главе представлены варианты локальных текстов, созданных Л.Н. Мартыновым, В.Г. Распутиным, И.Ф. Петровым, как эксплицированных семантических проекций развития пространства провинциального города. Данные тексты разворачиваются авторами в аспекте историко-культурных и природно-ландшафтных особенностей конкретного локуса, которые, семиотизируясь, становятся знаковыми. Погружение читателя вглубь авторских концепций способствует выработке целостного, партитурного видения городского пространства, в основе которого путь от внешнего облика, к переводу впечатлений от увиденного во внутреннее пространство духа, способствующему преображению реальных событий. В этом смысле становится понятным присутствие мотива «миражности» города. Восприятие горожанина в качестве системообразующего фактора городской среды служит основанием для изучения ее «духовно-нравственного климата».

Из городских хроник XVII - XVIII веков известно, что в прошлом большинство сибирских городов представляло собой «укрепленное острожными, рублеными или деревянными стенами поселение с торгово-промышленным профилем, возникшее в условиях социально-экономического и культурного освоения Сибири». Традиция крепостного строительства была перенесена в Сибирь из Северной части России. Города функционировали как военно-административные единицы. Их современный архитектурный облик отличает «полихромность», органическая связь с природой, пристальное внимание к детали, что создает эффект «гибкого» и «уютного» пространства. Пересечения и сочетания различных тенденций отечественной и европейской культур направлены на сохранение национальных традиций и на генерирование новых культурных процессов.

В параграфе «Топос Омска и Иркутска: мифопоэтика и семиотика городского пространства» раскрывается смысл понятий метажанрового и жанрового образований: книга-композиция и книга-цикл на примере очерковой книги Л.Н. Мартынова «Воздушные фрегаты» и цикла «Сибирских повествований» В.Г. Распутина. Топос сибирского города исследуется на материале отдельных глав книги Мартынова и очерка «Иркутск с нами», завершающего названный цикл Распутина. В частности сообщается, что поэт и писатель Леонид Николаевич Мартынов ро-

дился и прожил большую часть жизни в Омске. Очерковая книга «Воздушные фрегаты» является важной вехой творческого пути писателя. Ее относят к числу итоговых книг, связанных с литературной традицией - на определенном этапе подготовить жизненные и творческие итоги, обратиться к прошлому, осмыслить важность такого обращения. Экзистенциально-творческий мотив в ней является сквозным. В творческом акте автор выразил полноту самосознания, в то же время через переосмысление хронотопа он прошёл путь поиска своего «я». В этой связи итоговая книга представлена как переходное состояние. Она включает в себя лирико-автобиографические главы, в которых живая поэтическая авторская традиция входит в прозу цитатами предшествующих стихотворений. Цель писателя - осмыслить судьбу своей малой родины опытом личной причастности к ней. Благодаря взаимодействию летописного, эпического и лирического начал, поэтические строки в книге приобретают очерковые черты, в прозе раскрывается межродовой синтетический тип авторского философствующего сознания, обуславливающего целостность восприятия книги, ведущего читателя по пути от видимости к сущности. Писателю удалось найти необходимую точку зрения, позволившую ему из фрагментов, осколков, жизненных эпизодов сконструировать целостный «феномен жизни», что приближает очерковую прозу к философской эссеистике.

«Воздушные фрегаты» - книга о самом Мартынове, о людях, наиболее близких писателю, о его родном городе. Она построена таким образом, что читатель совместно с автором совершает мысленное путешествие по Омску. Омск первых десятилетий XX века являлся культурной столицей Сибири, служил своеобразной социокультурной доминантой пространства края. Начало книги, задающее ей определенную хронотопическую структуру, моделирует особый вид города. С одной стороны, это - пыльно-ковылный, хаотичный, степной, обдуваемый всеми ветрами «город Омбы», с другой - родное поэту пространство, рождающее в его сознании миф о «Воздушных фрегатах». Автор предлагает разные пути движения по городу: по «реке Тишине» на воображаемой «ладье»; пешком, с целью заглянуть по указанным в книге адресам (горизонтальный вектор). Топос города приобретает при этом черты пространства, которое складывается писателем из событий его жизни. В физическом смысле оно не имеет границ и традиционных параметров. Близкое подчас оказывается далеким, а даль - близкой. В книге намечены «воздушные пути», благодаря которым над городом можно парить. Так в детстве юный Леонид Мартынов летал во сне, а став поэтом, увидел город глазами капитанов «Воздушных фрегатов». Данный литературный образ включает определенную символику. Воздух, воздушность олицетворяют тягу к невещественному, призрачному, фрегаты влекут экзотикой странствий. Расположенная в центре книги, глава выполняет роль внутреннего камертона, вокруг которого формируется контекст городского пространства и вписанная в него судьба писателя.

Мотив полета задает вертикальный вектор всей книге, его описание автор связывает с символикой пространственных уровней, воспринятых памятью и воображением. Визуально-символические пространственные образы проявляют себя в сохранившихся в памяти впечатлениях детских снов, благодаря которым городской топос приобретает особые черты, получает свою геометрию высоты, глубины, близости и дали. Сон представлен как способ мироощущения будущего поэта. Мотив сна позволяет раскрыть главную идею о взаимоотношении человека со своим городом, через него воссоздается миф о будущей судьбе Омска. Предчувствие будущего объединило, породило судьбы города и молодого поэта в момент перехода, рубежа миров и смены эпох. Широта пространственно-временных гра-

ниц открывала автору возможность осуществления выхода в иное пространство мира. В главе «Детские грезы» сообщается о том, как впервые в его сознании возник образ города, увиденного с высоты. Вертикаль направлена на уточнение семантики горизонтали. Важное символическое значение приобретает поэтический мотив: город – морское дно, находящееся под толщей воды. Таким видят его «капитаны Воздушных фрегатов», олицетворяя собой взаимное притяжение водно-земного и небесного пространств. Проплывая над городом, «фрегаты» притягивают к себе взгляд писателя, физически связанного с земным миром. Сближение горизонтали и вертикали раскрывает связь миров, выявляя способность городского пространства опосредованно влиять на человеческую судьбу, формировать опыт пространственности. Соединение мифических образов с реальными событиями, именами, судьбами формирует представление о «миражности» городского пространства как возможности проникновения в его тайну.

Линия времени в книге Мартынова условна. Пространственные и временные векторы дискретны. Свободное чередование эпизодов вызвано сменой ассоциативных планов. Автор стремится посредством пространственных образов восстановить исторический облик улиц, площадей, зданий, которые связаны с его личной судьбой. Опыт восстановления прошлого через созерцание далеких и близких, с точки зрения времени и пространства, участков города формирует почву для диалога с ним как с живым существом. Слияние исторической, духовной жизни города с человеческой задает авторскому слову импульс воздействия на судьбу города опытом личной судьбы. Для писателя «интерес к подробности чувств» (М.И. Цветаева) оказывается значительней интереса к внешним событиям. Описание своего чувственного опыта – основа для связи уникального и повседневного, вечного и сиюминутного, начала и конца. Направленность этих тенденций обусловлена стремлением автора «вписать» личный опыт в контекст современности.

Реальная топография сибирского города проявляется в книге как совокупность «физических» локусов и природно-ландшафтных стихий: воды, воздуха (степного ветра-суховея), пыли, песка, которые, приобретая универсальный смысл, раздвигают его пространственно-временные границы. Расположение Омска на месте слияния двух рек – Оми и Иртыша, структурирует городское пространство. С водной стихией в книге связаны мотивы дождя, слякоти, снега. Идеальная топография воплощает экзистенциальное мышление автора. Река становится символом душевной гармонии писателя. Степной ветер-суховея позволяет автору мысленно оторваться от земли, почувствовать радость полета. В результате пространство города оказывается максимально распахнуто вширь и высь.

Заключительные главы книги повествуют о жизни Мартынова вдали от родного ему Омска. Главы «Нюрин камень», «Курган среди асфальта» пронизаны ностальгическим чувством. Поэтическая ладья уносит его в прошлое («...на меня нахлынули волны воспоминаний...»), открывает будущее, благодаря которому он живет мечтой о скором преобразовании сибирского края. На протяжении всех глав автор фиксирует процесс экзистенциального взаимодействия со своим городом, внутренне соединяясь с ним. Таким образом, топос города в его очерковой книге составлен из двух семантических доминант: идеи избранности места и внутренне переживаемого автором ощущения собственной причастности к нему.

С особым типом восприятия городского пространства встречаемся в очерке Валентина Григорьевича Распутна «Иркутск с нами», завершающего цикл «Сибирских повествований». В центре авторского внимания родной ему юрод – Ир-

кутск. С точки зрения Распутина, для того чтобы прикоснуться к мифу города, распознать его символику, необходимо уловить особый «час», когда завеса таинственного приподнимается и человек открывает для себя его «лик». Автор обнаруживает наиболее притягательный для города и для себя «час», сближающий их души, «час» проникновения и отзвука, открывающий в человеке духовное прозрение, «предельные слух и зрение». Таким образом, «час» становится не столько конкретной, сколько абстрактной единицей времени, моментом, фиксирующим переход на новый, метафизический уровень восприятия человеком городского пространства. Решимся предположить, что авторский метод Распутина, как, впрочем, и других сибирских очеркистов, воспитанных эпохой модерна, сформирован генетической памятью о символике городского пространства, заданной в книгах Н.П. Андиферова. Восприятие города как живого мифического существа вызывает у Распутина аналогию с «заколдованным местом», пространством необычных превращений, где стираются грани между мечтой и реальностью.

С точки зрения писателя, для каждого из жителей Иркутск является «источником исключительно важным и целебным», той самой «волшебной живой водой», которая необходима «при возвращении человека в образ, дух и смысл свой». Заключительной строкой автор подчеркивает эту необходимую для каждого горожанина связь: «Так не сказать ли нам в утешении и поддержку - Иркутск с нами». Распутин обращает внимание читателей на то, что застройка сибирских городов изначально была обусловлена влиянием сельской усадебной культуры, благодаря чему устанавливались гармоничные отношения городского пространства с окружающим природным ландшафтом, вписанность города в этот ландшафт, приближенность к естественно-географической среде.

В конце главы подводятся итоги, отмечается, что очерковая проза Мартынова и Распутина воплощает собой способ познания судьбы родного города посредством выхода на уровень самопознания и самосовершенствования. Авторская энергия направлена на воссоздание из фрагментов, событий, встреч процесса «жизнестроительства», непрерывного духовного развития. В конечном счете, в очерковой прозе тема авторского «я», раскрывающая процесс творческого самоопределения, становится сквозной, приобретает экзистенциальную направленность. Топос города создается благодаря активной духовно-материальной деятельности его жителей, одновременно «дух» города формирует духовную сферу погруженного в него человека.

В основу второго параграфа положено *исследование поэтики и композиции очерковой книги И.Ф. Петрова «О малой родине и сыновнем долге»*. Имя омского писателя-краеведа Ивана Федоровича Петрова известно за пределами края, однако его творчество пока остается не исследованным. Мы впервые приступаем к его изучению. Название его очерковой книги объединяет личностную интерпретацию и общественную значимость. Определение автором жанра - заметки краеведа, объясняет композицию и объем материала, предполагает некоторую отрывочность, точечность, импульсивность содержания. Большинство заметок основано на личных впечатлениях писателя. Он представляется своему читателю как краевед, то есть человек, глубоко исследующий жизнь своей «малой родины», осознающий и переживающий ее проблемы «изнутри». Отрывочность заметок не разрушает авторского представления о единстве городского пространства, находящегося в процессе становления. В масштабе хронотопа происходит постоянное совмещение мотивов «однодневного» и «вечного», «индивидуального» и «всеобщего». Каждая из ЗАМЕТОК, взятая в отдельности, на первый взгляд, не заключает в себе глубин-

ных интенций, но, будучи включенной в общий контекст, формирует целостное представление о городском топосе. Конкретный локус показан в единстве историко-культурно-географических характеристик.

В заметке «Что имеем - не храним» автор размышляет о способности внешних сил оказывать воздействие на социальную среду. Обнаружение бытовых противоречий современности переводится в исторический контекст, за которым угадываются истоки современного городского быта. Авторская позиция обусловлена стремлением всесторонне исследовать специфику городского пространства. С этой целью Петров заостряет внимание читателей на формальном повторении жителями Омска заученной цитаты Достоевского: «Омск - грязный городишка. Деревьев почти нет...» и т.д. Ее обывательская интерпретация воспринимается автором как стремление к буквальному постижению смысла сказанных слов. Петров выводит читателя на более глубокое осмысление цитаты, раскрывая ее символическую наполненность. Омск, как культурная столица края в недавнем прошлом и настоящем, концентрирует в себе смысловую и культурную энергию, внутреннюю и внешнюю активность жителей. Ход авторских рассуждений - подтверждение этих слов.

В заключительной заметке «Нельзя не любить» писатель поднимает важную проблему неразрывной связи человека с «малой родиной», завершая повествование кульминационной фразой: «Милая светлая Родина моя! Малое мое Отечество! Да минуют тебя все беды и напасти!.. Да будут многолюдны города твои и села! Да будет чистым небо твоё во веки веков!» Автор этих строк, с выраженным в них смысловым пафосом предвосхищения идеального будущего края, сознательно использует стиль финала повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи», написанной писателем перед каторгой, следовательно, есть все основания определять композицию книги как кольцевую. Очеркистом сделана установка на поиск «души» города, заданная еще Достоевским, для которого Омск являлся своеобразным рубежом его молодости и зрелости. Своим мироощущением писатель-классик задал идею осознания пограничности такого рубежа. Общность культурного кода в отношении к городскому пространству Омска проявляется у Петрова через систему природных и культурных знаков, способов выражения предельности времени и пространства, включающих даты, события, фамилии, имена, архитектурные мотивы. Автор является создателем особого «энергетического поля», в котором все «пёстрое», индивидуально-оценочное вовлекается, захватывается и воплощается в едином тексте. В результате «субъективность» целого обеспечивает ту «объективность» частного, при которой очеркист пользуется уже сложившимся в отношении к данному локусу языком описания, не считая это плагиатом, но всего лишь введением «элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов, которые не могут быть заподозрены в акте плагиатирования».¹

Петров затрагивает проблему ответственности человека за сохранение исторических названий города. Обращение к ней, а также к вопросам городской архитектуры («Одежды города»), памятников и памятных мест («Город и памятники»), к историческим деятелям («Близко к сердцу», «К чему ведут огорчения»), намечает вектор движения центробежных сил, устремленных от центра города к его улицам - домам - людям. В композиции книги центральное место занимает заметка «Отцовский сундучок, или о том, что болит». Название ее символично, словосочетание «отцовский сундучок» содержит утверждение константы неизвестного и

¹ Гаспаров Б М Язык, память, образ Лингвистика языкового существования -М , 1996 -С 261

указание на семейную реликвию, что вносит в смысловой контекст оттенок интимизации содержания. Наличие двух эпитафий по-особому ее маркирует. Традиционно метафора «отцовский сундучок» обозначает место хранения реликвий прошлого либо предмет, передаваемый по наследству. В данном случае речь идет о собрании легенд и преданий о городе. Луч авторской инициативы устремляется к прошлому, что обусловлено необходимостью возвращения городу и его жителям исторической памяти. Эпитафия «Историческая память - фундамент человеческой культуры» (Д.С. Лихачев) указывает на культурный генезис содержания всей книги. Формально-содержательное единство основано на демонстрации автором принципов организации целого, позволяющих по-особому выстроить композиционную структуру: вначале охват взглядом городской среды, затем выстраивание диалога с читателем по жизненно важным проблемам современности.

Созерцание и проектирование широты городского пространства требует от очеркиста определенной дистанцированности, удаленности от центра. Взгляд на происходящее извне и изнутри позволяет ему удостовериться в истинности высказываний о влиянии внешнего мира на мысли и поступки людей: «человек, подверженный испытаниям пространственно-временной среды, несет на себе следы интеллектуальных, духовных, психических и физических деформаций». Чтобы понять их истоки, очеркист обращается к прошлому, символом которого становится «отцовский сундучок», воплощающий эстетический идеал и историческую реальность. На стыке историзма и психологизма снимается противопоставление понятий «реальность» и «идеал», «индивидуальное» и «массовое», образуя органическое смысловое единство. Центр реального пространства совпадает с «родиной души» писателя, что приближает его очерковую прозу к эссеистике..

В четвертой главе «Человек в пространстве Сибири (на материале очерковых произведений В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова)» рассматривается вопрос реализации в очерковой прозе Сибири проблем «местной» антропологии, раскрывающихся в мифопоэтическом и реальном топосе. С этой целью в работу вводится понятие локодиши, культуры места, с тем чтобы на материале очерковой прозы В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова рассмотреть способность места задавать личности определенную культурную модель поведения.

В первом параграфе главы «*Поэтика родного места в «Сибирских повестованиях» В.Г. Распутина*» отмечается, что творчество данного писателя в период 60-90-х годов XX века многое определило в развитии литературного процесса. Мысль о том, что «жизнь, не подтвержденная смыслом души, есть существование случайное», объясняет его внимание к проблемам внутренней свободы и ответственности человека за дарованное ему пространство. В творчестве писателя немалое место отведено очерковой прозе. К сожалению, современные исследователи относят этот пласт к периферии. На наш взгляд, без пристального внимания к нему невозможно составить полное представление о глубине творческого дарования Распутина. Внимание к проблемам современности предопределено его внутренним темпераментом и социальным статусом. Распутин пребывает в постоянном поиске ответов на вечные вопросы жизни. Одновременно в очерковых книгах присутствует мотив собственного становления, раскрывающий душевно-духовную сторону его жизни. Очерковая проза заключает в себе лирико-публицистическое мироощущение автора. Она обращена к неуловимым движениям человеческой души, ищущей гармонии с миром. Центральной темой является духовно-нравственное состояние общества, тревога за судьбу своей «малой родины». Фиксируя повседневность, Распутин открывает в обыденном вневременное. Простран-

ство Сибири, с его точки зрения, является той новой, исторически «молодой» землей и уникальной средой, которая воплощает вечные ценности жизни.

«Сибирские повествования» – очерковый цикл о судьбе края. Вошедшие в него главы-очерки составлены из «живых» авторских мыслей и впечатлений. Цикл открывает новую грань нравственно-философского и эстетического анализа действительности. Распутин стремится постичь секреты характера сибиряка, осуществляет предельно универсальный подход к этой проблеме, обращаясь к наиболее ярким личностям, первопроходцам. Сибирь воспринимается им как заповедный регион, содержащий уникальный комплекс природно-сырьевых и человеческих ресурсов, писатель отмечает значение природно-климатических факторов как важных условий для формирования черт цельного характера сибиряка.

Системообразующими элементами очерка «Сибирь без романтики» являются два ведущих мотива: сибирский народный характер как уникальный социокультурный феномен и Сибирь как основа для его формирования. Автором проводится мысль, что только в условиях суровой природы мог сформироваться современный тип сибиряка. Распутин строит очерк в форме философских раздумий, о чем свидетельствуют неторопливая манера рассказывания, остановка авторского взгляда на наиболее важных, ёмких эпизодах истории края. Очерк начинается с похвального слова Сибири, в котором угадываются истоковые летописные мотивы, задающие всему ходу повествования летописно-эпическую интенцию. Звучная метафора «Сибирь – набатный колокол» привносит былинные интонации. Усиление динамики звучания колокола воспроизводит на ассоциативном уровне интонацию гула, вырастающего из недр земли. Смена точек отсчета создает эффект многоголосия. Автор осуществляет переключение слуховых регистров, позволяя каждому из них прозвучать по-своему, не нарушая внутреннего единства повествования.

Постепенно Распутин переводит читателя от абстрактного звукового восприятия Сибири к конкретному символу – обобщению через соединение двух позиций восприятия сибирского пространства: «извне» и «изнутри» («Различные взгляды на Сибирь – взгляд со стороны и взгляд изнутри – существовали всегда; остались они разными и теперь. Одни привыкли смотреть на нее как на богатую провинцию, другие, живучи здесь и являясь патриотами своей земли, ощущают, что дороже и ближе ее ничего на свете нет». «И что в Сибири пугает одних, для других не только привычно, но и необходимо...»). Взгляд «изнутри» основывается на рефлексивном знании психологии сибиряка, взгляд «извне» более фактологичен, формирует «верхний», первоначальный уровень понимания пространства Сибири. Взаимодействие двух уровней в пределах одного очерка обуславливает целостность его повествовательной структуры. Автор сопоставляет разные временные координаты: Сибирь «прежде», «теперь», в «предстоящем» будущем – осуществляя связь прошлого и будущего в событиях настоящего. Прошлое, по мнению автора, живо в настоящем, а настоящее детерминирует будущее: «От богатств самородных, лежащих на поверхности, до глубинных – все есть в Сибири, каждому веку она угождала... Но и теперь нетрудно понять, что будет первой необходимостью для человека через тридцать, сорок и пятьдесят лет и для чего Сибирь могла бы являться воистину целебной и спасительной силой». Наличие глаголов условного наклонения свидетельствует о проективном подходе к исследуемым проблемам. Настоящее время осознается через представление о будущем края, в этом заключается авторское глубоко современное ощущение жизни.

В главах очерка разные временные эпохи сосуществуют параллельно, в ре-

зультате прошлое и настоящее Сибири переплетаются, создавая пример уникальной связи времен. Прошлое «омывает» собой настоящее, продолжает себя в его «культурном коде». Наслоение времен предполагает мощный синтез различных культур. Культурное освоение края необходимо для определения ориентиров его дальнейшего развития. Многоплановость метафоры «Сибирь - великан», чье «пробуждение» впереди, подтверждается всем ходом повествования. Распутин выдвигает предположение о будущем миссионерском, христианском назначении Сибири, выполняющей функцию «очищения», «спасения»: «И если слово «Сибирь», в своем коренном смысле, не означает «спасение» - оно могло бы стать синонимом спасения. И тогда русский человек не без основания мог бы считать, что он выполнил часть своего очистительного назначения на Земле». Распутин включает в очерк воспоминания о Сибири Чехова, Гончарова. Среди тех, кто осваивал и заселял эти земли, автор называет имена известных всему миру первопроходцев и путешественников («самострелов», русского духа), упоминает о беженцах и ссыльных, разбойниках и сибирских казаках, людей с «огнеупорным» характером. Им посвящает вторую, третью и четвертую главы. Отмечает в человеке, оказавшемся в Сибири, надежду получить заветное спасение еще до действительного его обретения. Изначальный импульс к этому заложен в самой сибирской природе: «Было в этих местах что-то особенное, не рядовое, что заставляло смотреть на них с благоговейной надеждой», вновь возвращается к мифообразу Сибири как «духавеликана», способного исцелять человеческую душу. В очерке угадываются аллюзии писателя к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского: истинное родство с природой края получает лишь тот, кто сумеет разгадать «загадку жизни». Природное пространство Сибири представлено у Распутина одухотворенным, живым, формирующим эстетическую, нравственную и духовную природу сибиряка. Природа становится важной составляющей его внутреннего «я». «Дух» Сибири внутри нас, - уверяет писатель, - мы - единое целое».

В характере сибиряка автор обнаруживает противоречивые черты, присущие каждой из природных стихий. Мысли Распутина оказываются созвучны высказыванию Пришвина о том, что «природа... - огонь, вода, ветер, камни - это часть разбитого единого существа. А человек в природе - это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство», то есть, одушевить ее. В очерковой прозе Распутина, как в очерках и рассказах Пришвина, природный мир обладает реальной созидательной силой. Человек научится создавать в нем, не нарушая, если сумеет проникнуть душевным строем внутреннего одухотворенного пространства в реально-историческое, природное время-пространство своей земли. Это проникновение позволит ему открыть свою землю и определить собственное место на ней. Сибирь является для Распутина аналогом живой истории нашей планеты, своеобразным «Ноевым ковчегом», сосредоточением созидательных сил.

В очерковой прозе Распутина основу динамики мира составляет космический ритм, представленный как миф. Автор открывает в сибиряках способность соединять в своем сознании воображаемые, мифологические образы и выражать их в фольклорных мотивах. Культурные ценности, созданные народом, спасительны для самого этого народа, благодаря им причастность людей к топосу Сибири становится глубоко осознанной. Цикличность народных наблюдений, примет и течение человеческой жизни, опора на истоковые традиции прошлого создают многоплановую художественно-философскую концепцию бытия, одушевляемого непрерывным поиском жизненных смыслов и одухотворяющего саму эту жизнь. Антропоморфизм проявляется в авторском стремлении понять природную и социальную

среду через себя, отождествиться с ней. Пребывая в состоянии рефлексии, Распутин выступает в качестве летописца, хранителя родовой памяти, лица, обладающего естественнонаучными знаниями, осознающего катастрофичность последствий дальнейшего вмешательства человека в органичную жизнь природы. В результате в очерковой прозе на личностном уровне происходит совмещение мифопоэтической и естественнонаучной картин мира. Человек в заданной автором семиотической системе представлен как воплощение этой дуальности.

Во втором параграфе *«Духовная природа ценностных ориентации личности в очерковой повести В.Г. Распутина «Вниз и вверх по течению»* отмечается, что, несмотря на множество публикаций, касающихся творческого наследия В.Г. Распутина, данная очерковая повесть до сих пор остается малоисследованной. Целью ее написания послужило желание автора пристальнее взглянуть в происходящие в Сибири социально-экономические преобразования, затрагивающие судьбы сибиряков. Писатель стремится выразить свое отношение к уходящей (для многих безвозвратно) «малой родине». В очерках последних лет Распутин открыто выражает свои опасения по поводу разрушения вместе с малыми деревнями духовно-нравственного богатства, которое было накоплено крестьянством в течение многих веков.

В основу очерковой повести положен архетипический для «деревенской прозы» сюжет - возвращение героя (чей образ автобиографичен) в родное село. Предметом авторского интереса является судьба частного человека, таящая в себе скрытые трагические противоречия. Распутин обращается к проблеме самоопределения человека в мире. Симптоматично название повести: двустороннее движение по реке рассматривается автором как символ стечения жизненных обстоятельств и потенциальных человеческих поступков. Мотив пути - главная сюжетная линия повествования. Путь по реке «вниз» по течению символизирует движение к началу, истоку, вызванное желанием путешествующего почерпнуть «живой воды» из родного источника надежды, любви, добра и памяти.

Автор обращает наше внимание на то, что Виктор (главный персонаж повести) - писатель, от его имени рассуждает о сложностях и проблемах писательского ремесла, делится своими наблюдениями и сомнениями, рассказывает пророческие сны (первый повествовательный план). Чувство глубокой привязанности к родным местам служит главным побудительным импульсом путешествия Виктора на родину по знакомой с детства реке. Энергия авторского слова направляется на раскрытие внутреннего состояния путешествующего (второй повествовательный план произведения). Распутин допускает свободу пространственно-временной организации, используя приемы, типичные для путевых очерков: частую смену «точек отсчета», наложение времен (на реальное биографическое время накладывается психологическое; последнее является более «открытым», дискретным, прерывистым), свободное чередование пространственных образов. Пространственный уровень репрезентативен, представлен наиболее ярко через наглядные образы реки, ее берегов, неба, леса, деревьев, дома. Так выстраивается определенный визуальный ряд, необходимый для раскрытия основной идеи. Деревня воспринимается автором как пространство, способствующее успокоению души, духовному укреплению, самообретению. «В деревне нравственен сам труд, воспитывает сама природа, здесь ближе к Богу», - пишет Распутин.

Время и пространство показаны полифонично, прошлое и настоящее открывают Виктору свой момент истины. Время заключает особый сакральный смысл, обладает своей внутренней логикой. В этом смысле оно тождественно пространст-

ву. Олицетворением неотвратимости течения времени является река. Одновременно она ассоциируется с потоком мыслей и душевных переживаний Виктора. Благодаря воспоминаниям детства, в его памяти воссоединяются живое и неживое, духовное и природное, реальное и условное. Постепенно автор направляет его «поток сознания» в экзистенциальную плоскость. Опыт самосознания персонажа повести индивидуален и универсален одновременно, так как базируется на вне-временных нравственно-эстетических ценностях жизни. Осмысление этих ценностей осуществляется автором через обращение к исконным традициям народного сознания. Душевным порывом героя является скорейшее осуществление желания вернуть себе свою «внутреннюю реку», тем самым восстановить утраченную гармонию с миром и с самим собой.

Распутин «живет своим «страдающим» временем и ищет для человека более верный путь «в теснине новой смуты», с горечью пишет о разрушительных последствиях вмешательства людей в мир природы. Рассказом о затоплении деревни Атланки открывается следующий повествовательный план повести, в котором преобладают эсхатологические мотивы. Символично название деревни, она, словно Атлантида, уходит под воду навсегда. В повествование вводится ономастический аспект. Писатель обращается к нам с вопросом: «Что соберем мы от святости и учительства этой земли? Не опоздали ли собирать?» Ведь «повреждено единое народное тело и дух ответственности всех перед всеми».

Третий параграф «Проблемы изображения сибирского характера - в очерках о деревне П.Н. Ребрин» направлен на исследование очеркового наследия омского писателя Петра Николаевича Ребрин. До сих пор не опубликованы все его произведения, многое из написанного им хранится в семейном архиве. Не определено значение его очерковой прозы в контексте развития отечественной очерковой литературы. Исследователями не раз отмечалось, что Ребрин являл собой тип писателя, глубоко укорененного в культуре. Отсюда историзм его очерковой прозы. В ней рассматриваются проблемы сельского быта, роль традиционной земледельческой культуры в жизни сибирских крестьян. Обращение к родовой памяти, наполнение событий настоящего вневременным смыслом проясняет их онтологическую значимость, позволяет выявить «неприкосновенный нравственный запас», открывающий исконное в людях.

П.Н. Ребрин своим творчеством активно продолжал и развивал традиции русского классического очерка, заложенные Пушкиным, Тургеневым, Достоевским, Г. Успенским, Чеховым, Салтыковым-Щедриным, Короленко, исследовавшими мир и человека в мире. В очерковой прозе Ребрин актуальные проблемы, связанные с судьбой современной деревни, исследуются с общечеловеческих и общенациональных позиций, рассматриваемых через сущностный план русской жизни.

Творчество писателя охватывает наиболее сложный и противоречивый в социально-экономическом и культурно-нравственном отношении период жизни сибирской деревни - 1960-1980-е гг., начавшийся «оттепельным» поворотом к традициям национальной земледельческой культуры. Происходящие перемены требовали многообразных изменений в социальной сфере страны. Широкое распространение имела очерковая проза В. Овечкина, В. Шукшина, В. Распутина, С. Залыгина, Ф. Абрамова, Е. Дороша, В. Солоухина и других авторов, сориентированных на классическую традицию. В созданных ими произведениях воплотилась судьба крестьянина-труженика. Ребрин вносит свой вклад в разработку этой темы. Цель писателя - исследовать социально-нравственный климат на селе, раскрыть

значение соборности как важной основы национальной ментальности. Судьба сибирского крестьянства, влияние природно-климатических факторов на человеческие характеры, мысли и поступки - важный пласт его творчества. Э.Г. Шик отмечает художественное своеобразие творческого наследия писателя, акцентирует внимание на эпичности его очерковой прозы, направленной на выявление внутренней логики факта. Через выбор жанра автором задается и тиражируется подразумеваемый «горизонт ожидания читателя».

Очерковая повесть «Головырино, Головырино...» носит исследовательский характер. На это указывает ее начало. Лейтмотивом является головыринско-патровская линия (судьба двух сибирских деревень: Головырино и Патровка). По мнению автора, в их ссоре «выражается взгляд мужика зажиточного на бедняка как на человека ни к чему не способного». Задача писателя - базируясь на фактах, свидетельствующих о складывающейся тревожной ситуации на селе, проанализировать наиболее распространенные типы характеров сибиряков. Социальный конфликт в сибирской колхозной среде перерастает в конфликт нравственный. В изображении людей с их внутренними противоречиями и индивидуальными судьбами, как в зеркале, отражается то общее, что позволяет объединить их.

Автор классифицирует наиболее часто встречающиеся типы:

1.«Горящие» (Тимофей из Кутурлов, Черноштан из Патровки, Степанида Молодцова).

2.«Бездумные исполнители, стоящие на вытяжку перед глупостью»: Столбин, Кубякин, Колодухин. Для них личные интересы постепенно сделались главными. Свою руководящую должность они рассматривают как очередной виток в карьере, тем самым разрушают не только доверенное им хозяйство, но и крестьянские души.

3.«Компромиссные», «главные делатели», «корневые» (Хорошун, Кузнецов, Яков Мальшев). Их принцип: «не возражаю, но делаю по-своему». Это «самые совестливые, самые стойкие, самые беззаветные труженики деревни».

4.«Страдальцы» (Тихон Елабугов). Ребрин сравнивает его с Иваном Африкановичем, персонажем повести В. Белова «Привычное дело». Эти люди сохранили в своих душах детское восприятие жизни, слишком доверчивы. Из-за своей жертвенности будут терпеть и работать не покладая рук, но инициативы не проявят. «Получается, что из человека разовый результат все добыть хотим. А надо хозяина выращивать. Хозяина земли», - резюмирует писатель.

Ребрин наблюдает за трансформацией типов. Им замечено, что тип людей «горящих» постепенно сближается с «компромиссными», вбирая друг от друга лучшее. Складывается новый тип труженика, способного мудро и широко мыслить, смело действовать. На первые позиции выдвигается человек творческого склада, обладающий «умением жить сердцем» (тип, наиболее симпатичный автору). Часть «компромиссных», по наблюдениям Ребрин, сближается с типом «бездумных исполнителей». Автор предлагает поразмышлять над причинами и последствиями происходящих трансформаций. В очерках исследуется проблема компромиссности на селе, в особенности в отношении к типу колхозного труженика, землепашца, в котором соединились глупость с мудростью, осторожность и оглядчивость с отступничеством. В Сибири эти качества обусловлены многовековыми поведенческими устоями. В поиске ответа на вопрос о том, что может способствовать раскрытию в сибиряке лучших качеств, автор обращается к анализу социально-нравственных истоков человеческого существования.

Очерковая проза Ребрин содержит размышления о духовном мире человека

сибирской деревни, об отношении к земле, общественному долгу, труду, собственности; в центре внимания - проблемы формирования характера, вопросы преемственности поколений. Роль семьи, рода, династии, отчего дома выдвигается писателем на первое место. Повествовательное пространство прозы многомерно: фактографичность переходит в неспешное философское исследование «ценностей человеческих», лиризм описаний сочетается с умением создать характеры. Писатель обращается к пейзажу, функции которого универсальны. Картины сибирской природы позволяют Ребрину разобраться в причинах поступков своих земляков, в их стойкости и отваге, по его мнению, есть что-то от сурового могущества сибирской природы: «Не связано ли с безбрежностью пространства такое качество людей, как широта души? Муромцевская природа, соединяющая в себе простор с дремучестью и загадочностью, бросает все же какие-то сильные штрихи на их характер». («Это гудит время») Пейзажные зарисовки, бытовые сцены - основа для раскрытия своеобразия тоposa Сибири, органичности традиционного крестьянского быта. «Важно, чтобы человек встал вровень с природой», - считает автор.

Актуальны боль писателя за настоящее и будущее деревни, предчувствие ее постепенного старения и умирания, того, что впоследствии назовут «неперспективность». Одновременно в его сознании живет надежда. Своим творчеством он работает на предстоящие перемены. Писатель обладает особым «пространственным чувством». Способность к панорамному видению, универсализм мышления позволяют ему расширить горизонты сибирского пространства до масштабов России. Автор мысленно переносит жителей сибирской деревни на «Русскую площадь», под своды церкви Покрова на Нерли (очерковая повесть «Штрихи»), совершает смелые пространственные и временные смещения: перекресток спящей Меженинки становится местом пересечения исторических дат, событий. На «Русской площади» автор собирает тех, кто является, по его мнению, «олишествованием русского духа». Площадь, как открытое пространство, приобретает символические черты, становится «лобным» местом, с которого открывается читателю главное идейное содержание книги. Среди известных исторических личностей на ней оказываются сибиряки, воплощающие универсальный духовный тип, который служит для писателя образцом мировосприятия: «Вокруг них осиянный свет; это светится их обнаженная душа. Ах, как надо беречь таких людей! Они ищущая суть человечества!» Широта сущностного охвата жизни сливается в очерковой прозе Ребрин с глубиной его чувств и мыслей. С авторскими мыслями в очерки активно входит глубокое философское содержание, направленное на раскрытие идеи о единстве мира. Спустя пятнадцать лет после смерти Ребрин по-новому актуален. Сбылось многое из предсказанного им, в том числе мысль о том, что сила внутреннего возрождения личности выше привнесенных извне инициатив, направленных на улучшение человеческой жизни.

В четвертом параграфе «Судьба сибирского крестьянина Тимофея Бондарева в портретном очерке И.Ф. Петрова «Сибирский корреспондент Л.Н. Толстого» отмечается, что на протяжении всей творческой деятельности писатель И.Ф. Петров исследует различные стороны действительности, предметом его внимания являются как внешние характеристики, так и проблемы духовно-нравственной сферы человеческих поступков. Очерк «Сибирский корреспондент Л.Н. Толстого» по содержанию близок к жанру литературного портрета. Автор не ставит перед собой цель проследить жизнь персонажа, а выбирает судьбоносные моменты, в которых проявляется его мироощущение, с тем чтобы показать зависимость личной судьбы от социально - исторической драмы эпохи.

Очеркист повествует о судьбе ссыльного крестьянина Тимофея Бондарева, автора ряда сочинений обличительного характера, о его переписке с Л. Н. Толстым. До определенного времени имя Бондарева было овеяно многочисленными легендами. Петров выводит на первый план проблему духовного статуса этого человека. Миросозерцание Бондарева близко, с нашей точки зрения, представлениям об устройстве жизни протопопы Аввакума, описанным в его «Житии». В центре очерка проблема поиска человеком всеобщей праведности. И протопоп Аввакум, и Тимофей Бондарев пытались противопоставить беспорядку в общественном сознании свой взгляд на божественный порядок, искали пути его внедрения в народное сознание. Собственная духовность мыслилась ими как данная. В этом смысле символичен их приход в новый социум «извне». Аввакум, представляя религиозную философию проповедника, раскрывает ее через жизнь собственной души. Восстановление в очерке исторического пласта общественной жизни России помогает понять, что середина XVII и конец XIX веков явились эпохами глубоких социально-политических противоречий, когда внутреннее напряжение, охватившее общество, требовало от каждого определенного религиозно-нравственного выбора. В этой ситуации представители старообрядчества (к их числу относились Аввакум и Бондарев) ощущали себя первыми и последними посланниками Бога, призванными сохранить и донести «чистоту веры».

Реальная картина мира как система социально-исторических условий жизни в России и в Сибири конца XIX века была такова, что «права полноправных граждан были обусловлены чьим-то бесправием, а телесное достоинство свободных обеспечивалось телесным унижением несвободных». В Сибири, где крепостного права не существовало, положение крестьян было не менее тяжелым. Общественное устройство жизни в Сибири, расцениваемое Бондаревым как «несправедливое», послужило мощным импульсом к активизации его духовных поисков и стало мотивацией единоличной деятельности. Петров проводит мысль о том, что Бондарев, не обладая официальным статусом святого, готов признать себя в роли одного из немногих избранных «людей Божьих», тех, кому «решение судеб мира переходит из рук трансцендентного Бога для того, чтобы окончательно осуществить его правду». Свой труд «Торжество земледельца» Бондарев расценивает как единолично созданную идеальную модель «Града Небесного на земле».

Петров насыщает очерк многочисленными диалектизмами, с тем чтобы через диалектное слово, монологическую письменную речь персонажа, возвращающую языку его метафорические оттенки, глубже понять архетипические основы мироощущения Бондарева, раскрыть мифологичность его сознания. Автор наблюдает за тем, как его персонаж, сосредоточившись абсолютно в себе, вносит разрозненность в собственную жизнь, выстраивает «стену» самоизоляции, усугубляющую его разрыв с окружающим миром. Очеркист сознательно нивелирует свою роль комментатора событий, мыслей и поступков героя, чтобы читатель смог самостоятельно понять и оценить жизненные установки Бондарева. В очерке показано, как страдания и гонения этого человека канонизируют его в собственных глазах, отражено его стремление преодолеть социальное отчуждение. Бондарев покидает опустошенный быт, лишенный, по его мнению, логики и здравого смысла, грезит о встрече с «небесным посланником». Данный эпизод целесообразно, на наш взгляд, сопоставить с «таинственным видением», описанным Аввакумом в «Житии».

Стремясь осуществить мечту о социальном идеале, он пытается воплотить задуманное. Петров раскрывает противоречивость в категориях оценки Бондаре-

вым концептуальных представлений об идеале, пороке и добродетели, отмечает, что они оказываются открыты «Добру» и «Злу» одновременно. Очеркист обращает наше внимание на то, что Лев Толстой считал взгляды Бондарева ответственным поступком в высшем его проявлении, ибо каждое слово в них способно вмешиваться в существующее бытие, одновременно, в письмах, тактично указывая на недостатки его «философии». Очерк Петрова воплощает тип человека независимого, вольнолюбивого, но сурового, способного к преобразовательной деятельности, одним из первых в сибирской глубинке задумавшегося о будущей судьбе России.

В Заключении подводятся итоги работы. В частности сообщается, что исследование жанрового генезиса и процессов эволюции очерковой прозы, обращенной к топосу Сибири, позволяет говорить о пространстве края, как об особом смысловом локусе, активизирующем в человеке процессы внутреннего прозрения и преображения. Анализ хронотопических форм очерковой прозы о Сибири, созданной писателями-классиками XIX века, позволяет проследить связь человеческого сознания с национальным самосознанием, помогает соотнести авторские модели пространства с образом национального космоса в русской культуре (литературе). Эти модели окончательно сформировались и актуализировались в очерковой прозе писателей-сибиряков второй половины XX века. Синтез литературных тенденций и жанров, как культурная новация, остроактуален для развития очерковой прозы и направлен на создание целостных очерковых структур инновационного типа, способных полнее воплощать единый образ эпохи. Культурно-жанровый синтез, проявляющийся в очерковой прозе в композиционном и мировоззренческом плане, служит обоснованием закономерного включения человека в общеприродное космическое целое. Субъективное авторское восприятие придает объективно существующему пространству универсализм вечностного измерения и смысловую человекотворческую направленность, осуществляющуюся в символической образности. В результате топос Сибири в очерковой прозе писателей-сибиряков предстает как важная литературная константа, раскрывающая в жителях края пространство их внутренней глубины, способность к внутреннему освобождению и созидательному творчеству. Исследование этих процессов раскрывает своеобразие ТОПОСА СИБИРИ в очерковой прозе XX столетия.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

1. Краеведческая очеркистика И.Ф. Петрова // Художественная индивидуальность писателя и литер, процесс XX века: Тез. докл. межвуз. науч. конф. 20-21 мая 1997 г. -Омск: ОмГПУ, 1997. -С.87-89.

2. Проблема личности и принципы раскрытия характера Тимофея Бондарева в портретном очерке И.Ф. Петрова «Сибирский корреспондент Л.Н. Толстого» // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждениях образования Омской области. Опыт и проблемы: Мат. обл. науч.-практ. конф. 4-5 ноября 1997 г. 4.1. -Омск. ООИПКРО, 1998. -С.35-40.

3. Традиции житийной литературы в очерке И.Ф. Петрова «Сибирский корреспондент Л.Н. Толстого» // Развитие человеческого потенциала: Матер, региональ. науч.-метод. конф. 14-15 мая 1998 г. -Омск: Петровская академ. наук и исств. Омск, региональ. отд., 1998. -С.115-116.

4. Добро и Зло «героев гражданской войны». По страницам очерков омского писателя-краеведа И.Ф. Петрова // Гражданские войны. Политические системы. Внутренние конфликты. История и современность: Мат. всерос. науч.-метод. конф. 17-18 декабря 1998 г. - Омск:: ООИПКРО, 1998. - С. 88-90.

5. Литературный образ Омска в очеркистике и эссеистике // Ф.М. Достоевский и душа Омска: Сб. ст. региональ. науч. семинара 27-28 апреля 2000 г. -Омск: ОмГУ.-С.132-145.

6. Своеобразие сибирской очерковой прозы 60-80-х гг. XX в. (на примере произв. В. Распутина, П. Ребрина, Л. Трутнева) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Часть 2. -Омск, 2002. - С. 147-152.

7. Сибирский характер в очерках П.Н. Ребрина // Проблемы религиозной и философской герменевтики: Материалы международного симпозиума. -Омск: Издательский дом «Наука», 2003. -С. **181-193**.

Подписано в печать 29.03 2004 Формат 60x84 1/16. Тираж 120 экз.
Печать трафаретная. Заказ 1065. Отпечатано на ризографе отдела
дистанционного обучения ОмГАУ

#12147.